
РУССКАЯ БУРЖУАЗИЯ В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА, ЕЕ РАЗВИТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

(ОКОНЧАНИЕ) *

И. Ф. ГИНДИН

5. УСЛОВИЯ И ОБЩИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РОСТА БУРЖУАЗИИ В НАЧАЛЕ XX в. ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЛИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МНОГОУКЛАДНОСТИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

С начала XX в. Россия вступила в период империализма. На основе дальнейшего роста крупной промышленности и ее концентрации, весьма значительного расширения внутреннего денежного рынка и централизации капиталов в крупных банках развивались процессы монополизации промышленности, транспорта, банков. Они протекали быстрыми темпами, достигли высокой степени, во многом не уступая аналогичным процессам в индустриально более развитых странах Запада, а в некоторых отношениях (степень монополизации банков, ранние государственно-монополистические тенденции и даже органы) и превосходили их.

В то же время в России сохранялись вплоть до 1917 г. значительные крепостнические пережитки. Процесс роста капиталистических отношений за счет докапиталистических укладов продолжался и в период империализма, многоукладность экономики далеко не была изжита до конца существования российского капитализма. Монополизация промышленности и банков происходила на таком уровне развития производительных сил, который был пройден основными капиталистическими странами запада еще в домонополистический период. Все это чрезвычайно углубляло противоречия социально-экономического развития России в начале XX в., оказывало большое влияние и на развитие буржуазии.

Рост и концентрация крупной промышленности по-прежнему совмещались с обилием кустарно-ремесленных заведений, развитие крупной торговли — с еще большим ростом мелких и мельчайших торговых предприятий. Треть с половиной тысячам крупных промышленных предприятий (акционерных и единоличных с числом рабочих свыше 200 человек) и 22 тыс. средних предприятий (от 16 до 200 рабочих) фабрично-заводской промышленности противостояло в 1912 г. 150 тыс. заведений кустарно-ремесленной промышленности. В торговле при 10 тыс. оптовых и 173 тыс. мелкооптовых и магазинно-розничных предприятий (далее «крупнорозничные»), число «самостоятельных» хозяев в мелко-розничной, лавочной и ларечно-палаточной торговле приближалось к

* Начало см. «История СССР», 1963, № 2.

миллиону, с развозно-разносной торговлей — к 1,3 млн. человек¹. Высокая концентрация русской промышленности замедлила количественный рост предприятий еще в конце XIX в. и почти приостановила в XX в. В торговле с 1885 по 1912 г. число оптовых и крупнорозничных предприятий возросло в 1,5 раза, а количество лавочных и ларечно-палаточных торговцев более чем в 2 раза.

О численном росте буржуазии в период империализма по России в целом не имеется ни статистических данных, ни даже сколько-нибудь надежных оценок². Приведенные выше данные статистики промыслового налога за 1912 г. дают некоторое представление о количестве «самодельных» лиц русской буржуазии, о весьма большом численном преобладании торговой буржуазии над промышленной, наконец, о численном соотношении между крупной, средней и мелкой торгово-промышленной буржуазией. По этим данным общее число торгово-промышленных предприятий, принадлежавших крупной буржуазии, было 14 тыс., средней — 199 тыс. и мелкой — 1155 тыс. (с учетом развозно-разносной торговли 1,5 млн.)³.

В целом в начале XX в., несомненно, продолжался как численный рост буржуазии, так и значительное увеличение ее капиталов и доходов. Дальнейшее повышение силы и значения крупной, теперь уже монополистической буржуазии (см. следующий параграф) сопровождалось ростом и средней, главным образом провинциальной буржуазии, существенным усилением ее хозяйственной активности. Об этом свидетельствуют хотя и косвенные, но весьма показательные данные. Так, прозябавшие в конце XIX в. банки среднекапиталистических слоев — общества взаимного кредита — довольно неожиданно стали бурно расти в 1900-х годах. Число обществ с 1900 по 1914 г. увеличилось со 117 до 1108, из них около 900 в уездных городах, число членов-участников обществ поднялось с 82 до 630 тыс. человек, из них свыше 400 тыс. в уездных городах⁴.

Экономическое значение всей буржуазии может быть охарактеризовано следующими данными, относящимися к 1913 г. Годовое капиталонакопление в стране, без сельского хозяйства, по оценке А. Л. Вайнштейна, достигало в 1913 г. 1,1 млрд. руб. Функционирующие капиталы (основные и оборотные фонды) в частной промышленности и торговле, в частном железнодорожном и водном транспорте превысили к 1914 г. 10 млрд. руб. Подавляющая часть этих накоплений и капиталов при-

¹ Соотношение экономической мощи между указанными группами предприятий было, разумеется, обратным. На долю крупных фабрично-заводских предприятий падало 83% всех капиталов промышленности, а средняя прибыль на одно предприятие составляла в крупной промышленности свыше 100 тыс. руб., в средней — 5 тыс., а кустарно-ремесленной 840 руб. В торговле на оптовую и розничную падало 83% капиталов, средняя прибыль одного оптового предприятия в 1912 г. была 22 тыс., крупнорозничного — 2,3 тыс., а в лавочной и ларечной торговле — 437 и 164 рубля. См. С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки, М., 1958, стр. 525, 674, 682, 684.

² Общее число лиц («самодельных» и членов семьи), принадлежавших к купеческому сословию, составляло накануне первой мировой войны 1 млн. человек. (Статья «Купцы» в Энциклопедии Гранат, т. 26, стр. 207). Там же, без всяких объяснений и указаний на источники, численность буржуазии (вместе с членами семьи) оценивается в 6 млн. чел.

³ При оценке численности буржуазии надо иметь в виду, что к крупной и средней буржуазии относилось немалое число владельцев акций и облигаций, среди которых были и чисто рангьерские элементы, владельцы городских доходных домов, не занимавшиеся промышленной или торговой деятельностью и др. Однако недоучет их мало меняет соотношение между крупной, средней и мелкой буржуазией. К тому же совершенно не поддающаяся количественной оценке сельская буржуазия в основном принадлежала к третьей группе.

⁴ Имеются основания полагать, что рост членов-участников происходил в некоторой доле за счет помещиков и верхов сельской буржуазии. Последняя преобладала в кредитной кооперации. Поэтому бесспорным показателем большого роста всей сельской буржуазии служит прежде всего быстрое развитие кредитной кооперации — увеличение к 1917 г. ее сети и числа членов в 10 раз по сравнению с 1905 г.

надлежала, понятно, крупной буржуазии. Кроме того, стоимость городских непроизводственных, жилых и других строений, принадлежавших частным лицам, превышала 7 млрд. руб.⁵ Значительной частью этих строений владела крупная и средняя буржуазия. Так, по расчетам С. Г. Струмилина из стоимости городских жилых зданий в 1869 городах и местечках 76% относилось к зданиям в 79 городах с населением более 50 тыс. человек (в 1912 г.). Вложения в городское строительство в 900-х годах быстро увеличивались. С 1904 по 1914 г. число владений возросло на 47%, а стоимость строений на 70%. Сверх того резко увеличилась «стоимость» городских земель — за то же десятилетие на 123% и достигла почти 75% от стоимости самих строений⁶. Таким образом, и в период империализма в условиях большого роста городов и сильного возрастания городской земельной ренты русская торгово-промышленная буржуазия значительную часть накапливаемых капиталов по-прежнему вкладывала в городские имущества.

Весь строй русской торговли, и в период империализма сильно отличавшийся от капиталистически организованной торговли, по-прежнему оказывал большое влияние на особенности русской буржуазии. Крупная промышленность, транспорт, акционерные банки представляли в России передовой промышленный и финансовый капитализм. Продолжая широко известную ленинскую характеристику, можно сказать, что и в период империализма торговля отражала и «передовой капитализм», и не в меньшей степени «дикую деревню». В торговле отражались все противоречия «среднего уровня» капиталистического развития России.

Торговля, как и вся экономика страны, испытывали поступательное движение: продолжали возрастать обороты внутренней и внешней торговли; во внутренней все больше повышался удельный вес промышленных товаров, сделала успехи и капиталистически организованная торговля, чрезвычайно расширилось кредитование торговли банками, был изжит и острый недостаток в банковских кредитах, характерный для положения русской торговли до начала XX в. Однако процессы «европеизации» русской торговли были ограничены, локализовались в отдельных ее отраслях или затрагивали лишь ее верхние крупнооптовые звенья, не проникая во всю толщу торговли.

Об этом свидетельствуют прежде всего общие показатели развития русской торговли по исследованию С. Г. Струмилина⁷.

С 1885 по 1912 г. оборачиваемость капиталов в русской торговле изменилась мало, а общая масса торговой прибыли возрастала главным образом за счет увеличения товарооборота. Характерное же для развития капиталистической торговли повышение массы прибыли за счет ускорения оборота товаров и вложенных в них капиталов (при снижении прибыли в процентах к каждому обороту) прослеживается слабо, за исключением, может быть, самых крупных оптовых предприятий⁸. Общая сумма прибыли всех торговых заведений, плативших прямые

⁵ А. Л. Вайнштейн. Народное богатство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России, М., 1961, стр. 400, 403, 418.

⁶ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 491, 499.

⁷ Там же, стр. 672—687.

⁸ Там же, стр. 682, 685. Автор дает расчет оборачиваемости только для собственных капиталов торговцев, для оптовой и магазинно-розничной торговли около 7 раз и лавочной 12 раз в год, полагая, что с учетом кредитов оборот товаров по первой группе составлял 5 раз в год (т. е. примерно 40% кредита к собственным капиталам). На самом деле кредиты были гораздо выше, и, главное, как продажа товаров в кредит следующему звену, так и банковское кредитование торговли в 1900-х годах росли быстрее товарооборота (товарооборот+60%, вексельное обращение+120%, банковское кредитование под векселя и товары по крайней мере утроилось. См. И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки, М., 1948, стр. 269, 274). Отсюда надо полагать, что в 1912—1913 гг. оборот товаров в первом звене составлял никак не более 3,5 раз, в лавочном — не более 6 раз в год.

налоги, составляла, по исчислению С. Г. Струмилина, в 1912 г. 738 млн. руб., а всех промышленных предприятий (включая кустарно-ремесленные) — 587 млн. руб., в том числе прибыль оптоворозничных заведений (без лавочной, ларьковой и разносной торговли) составляла столько же, сколько прибыль всей фабрично-заводской промышленности — 461 млн. руб.⁹

Таким образом, масса торговой прибыли была чрезвычайно значительна, но в то же время гораздо больше распылена, чем промышленная прибыль¹⁰. Все без исключения фабрично-заводские предприятия имели больше 1 тыс. руб. прибыли в год, а в среднем на одно предприятие — 18 тыс. руб. (и даже низшая группа с числом рабочих от 16 до 50 человек — 3 тыс. руб. на одно предприятие). В торговле только 10% предприятий имели прибыль свыше 1 тыс. руб., в среднем же 4 тыс. руб. Вся кустарно-ремесленная промышленность имела прибыль на одно заведение 840 руб., а 90% всех торговцев — 310 руб. на одно «предприятие». Крупная фабрично-заводская промышленность (акционерные и единоличные предприятия с числом рабочих более 200) получила 60% всей промышленной прибыли, свыше 25 тыс. руб. на одно предприятие, из них с числом рабочих более 500 и прибылью свыше 100 тыс. руб. в среднем — до 50% всей прибыли. Аналогичные группы в торговле с прибылью свыше 25 тыс. руб. на предприятие составляли лишь 0,17% всех торговых заведений и получили всего 18% всей массы торговой прибыли, а предприятий с прибылью свыше 100 тыс. каждое было всего 235 (0,002%) и на них приходилось только 7,6% всей торговой прибыли. Отсюда следует другой вывод — концентрация торговли была относительно невелика¹¹.

Монополизация промышленности и организация сбыта ее продукции синдикатами затронули лишь самые верхние звенья торговли. Оптовая и магазинная торговля была сосредоточена в крупных городах. Даже значительная часть внегородской ларьково-палаточной торговой сети находилась в пристанционных и пристанских крупных торговых селах, т. е. в пунктах, удобных для массового завоза товаров. В «глубинке» деревенский лавочник оставался монополистом и продавал, например на Среднем Урале, промышленные и заводские сельскохозяйственные товары по таким ценам, которые были в два и более раз выше, чем в городах и крупных торговых селах¹².

Очень показательными являются хлебная торговля и хлебоэкспорт, игравшие огромную роль в экономике России. Доступность в 1900-х годах кредита под залог хлеба на всех стадиях его реализации и перевозки привела к исчезновению монополии купцов и кулаков-скупщиков на местных рынках и немногих экспортных фирм в портовых городах,

⁹ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 682 и 525. Следует еще учесть, что налоговое обложение не охватывало неорганизованную в виде явного промысла низовую торговлю (скупка сельскохозяйственной продукции местными кулаками и т. п.).

¹⁰ Дальше к данным С. Г. Струмилина привлекается сделанная Г. А. Дихтяром («Внутренняя торговля дореволюционной России», М., 1960, стр. 96) группировка торговых предприятий по величине их прибыли. См. также стр. 98—99.

¹¹ Это подтверждается и ничтожным числом торговых акционерных обществ — 13% к числу промышленных обществ и 8% к их капиталам (см. С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 525; Г. А. Дихтяр. Указ. соч., стр. 98). В 1917 г. число торговых обществ относительно к промышленным возросло до 18%, в США в том же году это соотношение достигало 98%.

¹² См. А. П. Половников. Торговля в старой России, М., 1958, стр. 87—88. О неравномерном размещении торговой сети и материально-организационной отсталости торговли в России см. там же, стр. 68—74, 78—84; Г. А. Дихтяр. Указ. соч., стр. 90—94; о коммерческо-организационной отсталости русской торговли, за исключением ее верхнего звена, о живучести «дореформенных привычек», о неплатежах, «злостных» банкротствах и т. п. см. дореволюционную прессу, напр., журнал «Промышленность и торговля», 1913, № 20, статья Э. Ломейера.

к вытеснению их целой армией мелких скупщиков и перепродавцов хлеба, довольствовавшихся относительно более умеренной торговой прибылью. Но это не внесло коренных изменений в организацию хлебной торговли в целом и, главное, почти не улучшило условий сбыта для основной массы крестьян. Они по-прежнему были вынуждены продавать свой хлеб в осенние месяцы по самым низким в году ценам. Это резко влияло на понижение хлебных цен на внешних и внутреннем рынках.

Выбрасывая за границу огромные массы зерна самого высокого природного качества, «Россия вследствие неорганизованности», «невежественных отсталых приемов» своей зерновой торговли занимала на мировом хлебном рынке «угнетенное, недостойное ее положение» «пассивной зависимой страны»¹³.

Капиталистически организованная хлебная торговля основывается на сети зернохранилищ — элеваторов. Поступающее на них зерно очищается, сортируется хлебной инспекцией, обезличивается в хранении. Владелец получает складочный документ; купля-продажа зерна становится возможной путем простой передачи документов. Под залог того же документа выдаются ссуды в банках. В США крупные торговые фирмы и железные дороги с помощью банков в последней четверти XIX в. покрыли страну сетью элеваторов (до 9000), что дало крупным фирмам возможность продавать хлеб на европейских рынках на самых выгодных условиях. Ничтожное развитие элеваторной сети в России при недостаточной провозоспособности железных дорог и слабой оборудованности портов имело самое отрицательное влияние на хлебную торговлю. Осенью образовывались огромные залежи хлеба на железнодорожных станциях и в портах, не хватало простых складских помещений, зерно лежало под открытым небом и портилось. Русский хлеб оставался разнородным и засоренным разными примесями, торговцы в спекулятивных целях значительно увеличивали его засоренность, и это, разумеется, учитывалось в снижении цен на зарубежных рынках. Большое развитие кредита под залог хлеба шло только на пользу мелким и крупным торговцам.

Крестьяне, по выражению одного из буржуазных авторов, «сперва подвергаются всяким издевательствам, обмерам и обвесам при продаже хлеба мелкому скупщику». Разница между ценой, получаемой крестьянами, и продажной на заграничном рынке была настолько велика, что, во-первых, обеспечивала возможность изрядных «заработков» целой цепи посредников (мелкого скупщика, скупщика покрупнее, отгружавшего хлеб в порты, портового экспортера и его заграничного покупателя). Во-вторых, эта разница покрывала огромные «побочные затраты» — потери, порчи и хищения зерна с момента вывоза на станцию до погрузки на корабль, да еще сверх этого возмещала скидку, которую делал иностранный покупатель, «страхуясь» от недобросовестного засорения хлеба русскими торговцами и используя переполнение портов. всю российскую «систему» ускоренной осенней реализации хлеба. «По весьма скромным подсчетам, скорее значительно преуменьшенным, чем преувеличенным, все неустройства нашей торговли оплачиваются нами ежегодно суммой около 140 млн. рублей»¹⁴. Так «неустройство» хлебного экспорта ложилось всей тяжестью на крестьянство. Немалая же часть прибыли от эксплуатации мелкого производителя в то же время ускользала от русского торгового капитала за границу и доставалась иностранным импортерам.

Проникновение русских крупных банков в хлебную торговлю и хлебоэкспорт также не внесло в их организацию сколько-нибудь существ-

¹³ В. Грен. Хлебные операции и элеваторы Государственного банка, «Банковая энциклопедия», т. I, Киев, 1914, стр. 372—373.

¹⁴ В. И. Денисов, член Государственного совета. Современное положение русской торговли, СПб., 1913, стр. 21.

венных изменений¹⁵. Все шире развивалась торговля самих банков хлебом, хлопком, скотом, а также сахаром и углем. Рассматривать это в качестве типичного проявления процесса монополизации торговли в период империализма, как это порой делается в нашей литературе, ошибочно. Процессы монополизации торговли сельскохозяйственными товарами внутреннего производства во всех империалистических странах развились позже, после первой мировой войны, и не сопровождалась непосредственным проникновением банков в торговлю. Собственную торговлю крупные банки еще в XIX в. вели только в колониях и полуколониальных странах¹⁶. Русские же крупные банки широко проникли в торговлю по причине слабости крупного торгового капитала в России.

Проникновение банков модернизировало организацию лишь крупной оптовой торговли, но мало что меняло в средних и низовых звеньях ее. Более того, банки приобщались не только к торговой, но и к торговлоростовщической прибыли. Ярким примером могут служить заготовки и торговля среднеазиатским хлопком, где широко организованная крупнокапиталистическая торговля банков совмещалась с докапиталистической формой эксплуатации массы мелких производителей хлопка.

За исключением основных промышленных центров в остальных районах страны внутренняя торговля все еще была недостаточно специализирована¹⁷. По-прежнему было распространено сочетание в одной фирме торговли разнородными товарами; наиболее частая комбинация: хлеб — скот — лес — была одинаково характерна и для Поволжья, и для Центрального черноземного района, и для Приамурья¹⁸. По-прежнему торговля хлебом сочеталась с мукомольной промышленностью, с владением пароходствами и большой недвижимой собственностью. Крупная торговая буржуазия восточных районов, даже вкладывая часть своих капиталов в местную промышленность, предпочитала не покидать торговли. И эта тенденция была тем сильнее, чем выше был уровень торговой прибыли¹⁹. Таким образом, в обширных районах страны и в период империализма не произошло полного отделения промышленной буржуазии от торговли²⁰.

¹⁵ В частности, банками ничего не было сделано для строительства элеваторов. Разговоры же о необходимости приступить к нему начались в России в 70—80-х годах. Но ни торговый, ни банковский капитал не проявили в этом деле никакой инициативы. В конечном счете за строительство элеваторов накануне первой мировой войны взялось правительство, возложив на Государственный банк эту задачу, совершенно ему несвойственную. (См. В. Г р е н. Указ. соч., стр. 391—395). Об элеваторах и организации хлебной торговли в США см. там же, стр. 382—389, а также В. И. Д е н и с о в. Указ. соч., стр. 23—25.

¹⁶ Единственным исключением в Западной Европе была Австро-Венгрия, но там банки выполняли роль сбытовых контор некоторых синдикатов.

¹⁷ «От миллионера, торгующего в нескольких губерниях, до коммерсанта, имеющего оборот в 20—30 тыс. руб., каждый покупает и продает всевозможные товары». Именно на ярмарке можно одновременно закупать одни товары и продавать другие. Из-за отсутствия специализации в нашей торговле», полагал В. И. Д е н и с о в («Ярмарки», СПб., 1911, стр. 2—3), Нижегородская и другие крупные ярмарки все еще сохраняют «экономическую силу и торговое значение» (несмотря на потерю ими к началу XX в. былой роли универсальных для всех товаров торговых центров).

¹⁸ Были и другие комбинации — мануфактуры с хлебом или с чаем и сахаром (Нижегородская ярмарка), пеньки с хлебом, с лесом и даже с мануфактурой и металлами (Орел) и даже нефти с рыбой (Астрахань, Тифлис).

¹⁹ Особенно ярко это проявилось в Сибири, где высокий уровень торговой и торговлоростовщической прибыли лишал местную буржуазию стимулов к сколько-нибудь значительным вложениям капиталов в медедобывающую и даже золотопромышленность. В результате местные предприятия приобрели крайне спекулятивный и хищнический характер — практиковались захват заявок на месторождения ради их перепродажи, организация одним или несколькими купцами золотодобычи на один сезон (см. А. М. М е л к и х. Из экономической жизни Западной Сибири, М., 1912). Крупные же постоянно действующие предприятия возникли или развивались за счет средств петербургских банков и английских финансово-капиталистических групп.

²⁰ Все сказанное в данном абзаце подтверждается клиентскими списками Государственного банка за 1909—1914 гг. См. об этом источнике «История СССР», 1963, № 2, стр. 66.

6. МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ БУРЖУАЗИЯ И ФИНАНСОВАЯ ОЛИГАРХИЯ В РОССИИ. КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ МОСКВЫ И ПЕТЕРБУРГА В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

В начале XX в. крупная промышленная и банковская буржуазия становилась монополистической, ее верхи перерастали в финансовую олигархию. Это перерастание заметно проявилось в годы предвоенного промышленного подъема и усилилось во время первой мировой войны. Однако по сравнению с высоким уровнем монополизации российской тяжелой промышленности и банков процесс формирования финансовой олигархии был замедленным и остался незавершенным.

Главная твердыня русского национального капитала — высококонцентрированная текстильная промышленность центрального района — была мало монополизирована, по крайней мере до первой мировой войны. Крупные прибыли московских текстильных магнатов были одинаково характерны и для второй половины XIX и для начала XX в. Но во время промышленного подъема 1909—1913 гг. это была еще не столько монопольная прибыль, сколько все та же «„русская” сверхприбыль», которую В. И. Ленин связывал не с эпохой империализма, а с особыми экономическими и социально-политическими условиями капиталистической России²¹.

Благодаря высокому уровню накоплений и приспособленной к ее нуждам системе московских банков крупная текстильная буржуазия была защищена от проникновения петербургских банковских монополий в сферу ее владений. Московским филиалам петербургских банков приходилось приспосабливаться к нуждам московской буржуазии, и они внедрялись лишь в отдельные, пошатнувшиеся по случайным обстоятельствам предприятия. Московские магнаты и в период империализма не проявляли стремления проникнуть в тяжелую промышленность. К чрезвычайно выгодному в годы войны производству вооружения и боеприпасов они приобщались главным образом путем организации относительно несложного в техническом отношении производства снарядов.

Монополистические устремления московской крупной буржуазии были направлены по традиционному руслу. Поэтому и начинавшееся ее перерастание в финансовую олигархию было весьма своеобразным для периода империализма. Типичными в этом отношении являлись текстильные магнаты Рябушинские, бывшие издавна одновременно банкирской фирмой и преобразовавшие ее в 1911 г. в «самостоятельный» акционерный Московский банк. После этого усилия Рябушинских расширить свой контроль на новые для них отрасли были направлены отнюдь не в сторону тяжелой промышленности, а на монополизацию льнозаготовок и льняной торговли, лесной промышленности и лесозэкспорта и т. д. Сделав в 1916 г. попытку установить более тесные связи с фактическим распорядителем Русского торгово-промышленного банка, Рябушинские затем сами от этого отказались. Они не усвоили «манеру работы» петербургских банков, т. е. методы финансово-капиталистических махинаций их заправила²².

В домонополистический период еще не образовался устойчивый слой крупной буржуазии в банках и тяжелой промышленности, за исключением нефтяной. В других отраслях тяжелой промышленности и в важнейших банках, где значительное участие принимал иностранный капитал, интенсивные процессы монополизации происходили в условиях отсутствия влиятельных российских хозяев, владевших крупными личными капиталами. В то же время фактическое руководство осуществлялось

²¹ См. «История СССР», 1963, № 2, стр. 73.

²² См. И. Ф. Гиндин. Московские банки в период империализма, «Исторические записки», т. 58; а также «Материалы по истории СССР», т. VI, 1959, стр. 603—641.

немногочисленным слоем заправил, стоявших во главе важнейших синдицированных предприятий, самих синдикатов и банковских монополий. Среди них имелись отдельные иностранные капиталисты, осевшие в России или временно в ней проживавшие в целях извлечения выгод. Но преобладали российские руководители, владевшие относительно скромными капиталами или даже не имевшие их вначале, как ведущие инженеры (Н. С. Авдаков, Н. Ф. Дитмар, А. П. Мещерский и т. п.) или бывшие чиновники Министерства финансов и Государственного банка, переходившие в правления крупнейших акционерных банков, а то и «рекомендованные» туда Министерством финансов. Являясь формально как бы высшими служащими иностранных капиталистов, они добивались, и не без успеха, участия в контроле над предприятиями и банками, прежде всего в собственных интересах, и получали на этой почве возможность значительного личного обогащения. Так высшие служащие монополий превращались в их фактических участников и хозяев, а некоторые стали виднейшими фигурами российской финансовой олигархии. Такие «служащие» монополий, как Авдаков или Дитмар, представляли российскую монополистическую буржуазию в качестве выборных от нее членов Государственного совета.

Таким образом, формирование финансовой олигархии в значительной мере совпало с задержавшимся процессом образования в России тех слоев крупной буржуазии, которые вырастают на почве развития тяжелой промышленности и банков в домонополистический период. Однако до первой мировой войны у русских заправил в банках и особенно в тяжелой промышленности (за исключением нефтяной) еще не успели сложиться такие крупные личные состояния, с какими вступали в период империализма их западные собратья и особенно наследственные династии магнатов, вроде Круппов и Тиссенов, Ванделей и Шнейдеров, Ротшильдов, Виккерсов и т. п. В России своих Круппов и Виккерсов еще не было, и весь концентрированный в руках ограниченного круга лиц контроль над основными предприятиями тяжелой промышленности и важнейшими банками сочетался с значительной отдачей прибылей за границу²³.

Все же здесь шел процесс формирования русской финансовой олигархии с значительными личными состояниями. Этот процесс резко ускорился в годы первой мировой войны, когда находившиеся за границей иностранные капиталисты не могли осуществлять даже общего надзора за деятельностью фактических руководителей предприятий и банков. Безвестные ранее чиновники А. И. Путилов, А. И. Вышнеградский и другие закрепляли свое положение действительных хозяев банковских монополий с помощью огромного личного обогащения в годы первой мировой войны. Председатель правления Русско-Азиатского банка Путилов к 1917 г. занимал посты председателя или члена правления в 44 промышленных и непромышленных акционерных обществах, среди которых был ряд крупнейших предприятий России. В годы войны российская финансовая олигархия значительно расширилась за счет представителей крупной буржуазии и новых дельцов, быстро обогатившихся на военных заказах, товарной и биржевой спекуляции. Ряд таких капи-

²³ Руководящий состав монополизированных предприятий тяжелой промышленности и банковских монополий все еще недостаточно изучен. Полнее всего выявлены бывшие чиновники в руководящих органах крупнейших банков (См. «Исторические записки», т. 66, стр. 56—57). Пофамильный перечень членов правлений и советов, осуществлявших личные унии в предприятиях тяжелой промышленности, опубликован недавно В. И. Бовыкиным и К. Ф. Шацкило («Личные унии в тяжелой промышленности накануне первой мировой войны», «Вестник МГУ», серия IX, история, 1962, № 1). В этом перечне очень мало имен известных русских крупных капиталистов, выделяются банковские заправилы и нефтяные магнаты, большинство имен нуждается в дополнительном выяснении их происхождения (капиталисты, инженеры, чиновники, генералы и т. д.) и их роли в предприятиях (самостоятельная или подчиненная).

талистов, не имевших ранее отношения к тяжелой промышленности и банкам, использовал свои новые капиталы для установления контроля над предприятиями и банками. Наиболее известными среди них были Н. А. Второв, К. И. Ярошинский, И. И. Стахеев, которые до войны не выходили за пределы текстильной и сахарной промышленности или торговли. Во время войны они организовали крупные концерны, внедрили в тяжелую промышленность и в крупнейшие банки²⁴.

Описанные выше особенности петербургской крупной буржуазии стали в период империализма еще определеннее и резче. В ее составе все большее значение получали заправилы монополий тяжелой промышленности и банковских монополий. Петербург стал центром российской финансовой олигархии, штабом важнейших монополий страны, здесь решались учреждение синдикатов и трестов, организация и реорганизация крупнейших предприятий в далеких районах страны, отсюда тянулись и устанавливались связи с крупными иностранными банками и другими финансово-капиталистическими группами. Петербургские банки распоряжались подавляющей частью денежных капиталов страны — не только самой столицы, но и периферии. И в Петербурге и через свою обширную сеть провинциальных филиалов эти банки вовлекали столичных и провинциальных капиталистов, зажиточные городские слои во владение акциями, в биржевую спекуляцию. У петербургской монополистической буржуазии исторически сложилась особая близость с бюрократией центрального правительственного аппарата. И в то же время у петербургской буржуазии, даже у экономически наиболее весомых ее групп, связь со всей толщей российской национальной буржуазии, промышленной и торговой, была несравненно меньшей, чем у крупной московской буржуазии.

Верхи российского монополистического капитала тяжелой промышленности, а вместе с тем и петербургской буржуазии лучше всего характеризует руководимая ими влиятельная организация крупной буржуазии — всероссийский «Совет съездов представителей промышленности и торговли». Последний, наравне с крупной московской буржуазией и ее основной организацией — Московским биржевым комитетом имел весьма большое влияние на экономическую политику правительства. Но при этом всероссийский «Совет съездов» занимал подчеркнуто «аполитичные» позиции в качестве чисто «профессионально-хозяйственной» организации.

В. И. Ленин не раз останавливался на действиях и выступлениях «Совета», видя в них проявление существенно важных особенностей верхов российского капитала. В. И. Ленин отчетливо показал политическую убогие и пресмыкательские перед царской бюрократией позиции всероссийского «Совета съездов» и других «съездов» тяжелой промышленности, их стремление отстаивать только свои узко групповые «купецкие» интересы, не подымаясь до общеклассовых интересов буржуазии²⁵. Сатрапы нашей промышленности, указывал Ленин, — «не представители свободного и сильного капитала..., а кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением... и своим гнетом осуждают $\frac{5}{6}$ населения на нищету, а всю страну на застой и гниение». Вздыхая лицемерно по поводу отсталости деревни, потреблявшей ничтожное количество металла, «миллионеры

²⁴ См. И. Ф. Гиндин, Л. Е. Шепелев. Банковские монополии накануне Великой Октябрьской социалистической революции, «Исторические записки», т. 66; Т. И. Китанина. Из истории образования концерна Стахеева, сб. «Из истории империализма в России», М.—Л., 1959; Е е же. Русско-Азиатский банк и концерн Стахеева, сб. «Монополии и иностранный капитал в России», М.—Л., 1962.

²⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 39—55.

нашей промышленности предпочитают делить с Пуришкевичами их средневековые привилегии»²⁶.

Эти важные ленинские определения, относящиеся к 1913 г., когда монополистический капитализм в России достиг высокого уровня, указывают в то же время на монополию такого характера, которая не столько выростала из большого развития свободной конкуренции, сколько была обязана своим происхождением государственному вмешательству, несвойственному в других странах капитализму периода «свободной» конкуренции и даже империализму до первой мировой войны. Так в российском монополистическом капитале тяжелой промышленности своеобразно переплетались черты раннекапиталистических монополий с новейшими монополиями периода империализма. Это подчеркнуто и в другой ленинской характеристике российского крупного «октябристского» капитала как «хищника эпохи первоначального накопления», стремившегося «ухватить добрый кусок казенного пирога в виде гарантий, субсидий, концессий, покровительственных тарифов и т. д.» и одновременно сохранить главную тяжесть налогов на плечах народных масс²⁷. В этом смысле монополистическая буржуазия в отраслях тяжелой промышленности была прямой наследницей пореформенных железнодорожных королей, первых хозяев новых отраслей тяжелой промышленности и дельцов-учредителей 60—80-х годов.

Несколько иным было общественное лицо московской промышленной буржуазии. Московский биржевой комитет, в котором было объединено всего 500 семей крупных московских капиталистов, являлся прежде всего влиятельнейшей организацией крупной русской буржуазии. Московские магнаты, формально входя во всероссийский «Совет съездов», фактически игнорировали этот, по их выражению, орган «ходатайствующей промышленности», потому что они не были заинтересованы в государственном спросе (казенных заказах) и ряде других правительственных мероприятий, от которых зависела тяжелая промышленность. Зато они имели достаточный вес, чтобы непосредственно оказывать влияние на экономическую политику правительства и прежде всего в области протекционизма, таможенных тарифов, защиты своих интересов на внешних рынках Востока и в «рабочем вопросе». Интересующие московскую буржуазию вопросы правительственный аппарат никогда не решал без участия ее представителей.

В то же время московская промышленная буржуазия была наиболее сознательной из всех в целом политически инертных групп российской крупной буржуазии. Будучи в отличие от магнатов тяжелой промышленности экономически тесно связанной с широкими кругами периферийной буржуазии, промышленной и торговой, московская буржуазия стала и общественно-политическим лидером русского национального капитала.

Этому способствовал ряд причин. Одной из важных среди них являлась большая организованность относительно немногочисленной промышленной буржуазии при полной неорганизованности торговой. Это обстоятельство предопределяло лидерство промышленной буржуазии, за которой шли широкие круги торгового капитала, к тому же в своих верхах тесно связанного с Москвой. Но и среди крупной промышленной буржуазии московская текстильная выделялась своим экономическим положением. Единственной, приближающейся к ней по экономическому весу группой в легкой и пищевой промышленности была крупная буржуазия сахарной промышленности Украины. Но основой ее было обуржуазившееся дворянство, правда, впоследствии пополненное крупными представителями украинской и еврейской буржуазии (Бродские, Хари-

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 262, 277.

²⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 108.

тоненко, Терещенко, Зайцевы и др.). Эта группа буржуазии в своих доходах во многом зависела от царского правительства (сахарная нормировка), не имела значительного соприкосновения с широкими кругами торгово-промышленной буржуазии других отраслей и в финансовом отношении зависела от крупных петербургских банков.

Наконец, более позднее формирование российской буржуазии, начавшей занимать командное положение в тяжелой промышленности и в банках, ее повышенная приспособляемость к царизму и оторванность от широких слоев российской торгово-промышленной буржуазии привели к тому, что общественно-политическое лидерство и в период империализма сохранилось за крупной московской промышленной буржуазией. Несмотря на то, что первая группа была гораздо ближе царизму в политическом отношении, последний вынужден был давать первое место московской буржуазии. Так, при формировании Особых совещаний в годы первой мировой войны лидеры московской буржуазии сразу отеснили на второй план представителей тяжелой промышленности и банков. Московская буржуазия была ведущей и в военно-промышленных комитетах. Именно она после Февральской революции играла определяющую роль во всех составах Временного правительства.

Своеобразие России заключалось в общественно-политическом лидерстве московских текстильных магнатов, при затянувшемся формировании финансовой олигархии в тяжелой промышленности и банках. Своеобразие было и в том, что московские магнаты в целом обладали гораздо большими личными капиталами, чем заправила ряда высокомонополизированных отраслей тяжелой промышленности. Слабая же монополизация самой текстильной промышленности отнюдь не являлась особенностью России. В начале периода империализма процессы монополизации экономики протекают в известной последовательности, охватывая в первую очередь тяжелую промышленность, транспорт и банки. Те же процессы значительно позднее (в западных странах лишь после первой мировой войны) широко распространяются на легкую промышленность и на сельское хозяйство (через монополизацию сбыта его продукции). Безоговорочная в нашей литературе трактовка верхов московской крупной буржуазии как финансовой олигархии игнорирует и другие важные конститутивные черты последней. Это, во-первых, слияние промышленных и банковских монополий, сосредоточение в руках магнатов финансового капитала контроля как над монополизированной промышленностью, так и над банками — монополистами²⁸. Во-вторых, финансовую олигархию характеризуют новые методы борьбы за расширение монополии (поглощение других предприятий, подчинение их через систему участия) и новые приемы присвоения монопольной прибыли. Обычные для промышленного капиталиста пути присвоения чрезвычайно расширяются за счет финансовых махинаций: учредительской прибыли, манипуляций с дивидендами, воздействия на курс акций «своих» предприятий, биржевых спекуляций с этими акциями и еще более ухищренных махинаций, которые становятся возможными при системе участия. Но даже Рябушинские, имевшие свой банк, не стали на путь новых методов и приемов, характерных для финансовой олигархии. Другие же видные представители московской буржуазии — Морозовы, Коноваловы, Прохоровы и т. п. — оставались по-прежнему только владельцами крупных семейных предприятий²⁹.

²⁸ Поэтому неправильным является включение в состав финансовой олигархии как крупных биржевиков или владельцев банкирских домов (они не патронировали в России промышленных предприятий), так и московских текстильных магнатов (их банки не были банковскими монополиями эпохи империализма).

²⁹ Прибыли их предприятий к 1916 г. в результате общего роста товарных цен увеличились в 2—3 раза, составляли «только» 3—4 млн. руб. на одно предприятие. При годовом жалованье в Русско-Азиатском банке в 42 тыс. руб. А. И. Путилов получил, по нашим расчетам, в том же году еще договорную тантьему (почти 3,5% огром-

Однако это не означает, что московский крупный капитал оставался в начале XX в. неизменным. В период империализма вся крупная буржуазия становится монополистической в том смысле, что она рвется к монополии (новые «устремления» Рябушинских), получает в той или иной степени монопольную прибыль (участие Гучковых в разных предприятиях), отстаивает империалистическую внешнюю политику (вся крупная московская буржуазия) и т. д. Но именно в России меньше всего можно отождествлять монополистическую буржуазию с финансовой олигархией, в отличие от Запада, где преобладание и лидерство магнатов тяжелой промышленности и банков сложились еще до начала периода империализма.

Слабость этой части монополистической буржуазии в России, незавершенность процесса формирования финансовой олигархии, несмотря на высокий уровень монополизации тяжелой промышленности и банков, нельзя сбрасывать со счетов при оценке российского монополистического капитализма. В посвященных этой проблеме работах в общем правильные выводы о высоком уровне монополизации важнейших отраслей промышленности, о взвинченных монопольных ценах на их продукцию и т. д. делались без изучения самой финансовой олигархии, особенностей ее формирования и ее роли среди других групп крупной буржуазии, без анализа ее места в социальной структуре и общественно-политической жизни страны. Такой односторонне экономический подход привел к преувеличению роли монополий, силы монополистического капитала в России и особенно его социально-политической весомости, вроде все еще до конца неизжитой концепции о «подчинении» монополиям госаппарата царизма.

Нельзя забывать и следующего. При большой дистанции между торгово-купеческим капиталом российских окраин и крупной промышленной буржуазией Москвы, при еще большей дистанции между тем же торговым капиталом и магнатами нефтяных и банковских монополий, всех их объединяла одна важная особенность. Все они развивались и действовали в условиях страны, где крепостнические пережитки «насквозь проникали собой всю экономическую (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь» и где даже капиталистический империализм был оплетен «особенно густой сетью отношений докапиталистических»³⁰. Все они приспособлялись к этим пережиткам, извлекали немалые выгоды из наиболее грубых форм эксплуатации.

Эту общую для всей российской крупной буржуазии особенность В. И. Ленин выражал в понятии «октябристский капитал», в которое не только вкладывал политическое содержание (приспособление крупной буржуазии к царизму и диким помещикам — «пуришкевичам»), но включал и экономическую основу приспособления — заинтересованность всей буржуазии в самых грубых формах эксплуатации, а также в дележе экономических привилегий с помещиками. Так экономически в «октябристский капитал» включалась вся крупная буржуазия России. И особо те «хищники», которые ухватывали «добрый кусок казенного пирога», они же «сатрапы» тяжелой промышленности, «кучка монополистов, защищенные государственной помощью» (см. выше)³¹. Но сюда же Ленин причислял торгово-купеческий капитал, эксплуатировавший мел-

ной прибыли банка) и директорские оклады в 44 подконтрольных предприятиях (без таньем) до 2,5 млн. руб. Сверх этих «законных» доходов он «заработал» десятки миллионов рублей на всяких махинациях (см. «Исторические записки», т. 66, стр. 29, 31). Такова была дистанция в доходах московского магната типа Коновалова и подлинного представителя финансовой олигархии.

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 300; т. 22, стр. 246.

³¹ Эта ленинская характеристика в полной мере относится и к заправилам крупных банков, которые неизменно пользовались огромной правительственной поддержкой от учреждения банков в 60-х годах и вплоть до 1917 г., когда они стали мощными банковскими монополиями.

кого производителя. Приводя факты ограбления крестьян-переселенцев сибирскими лесозаготовителями, «наживавшими» почти рубль на рубль, Ленин отмечал: «Вот вам октябристский капитализм эпохи первоначального накопления, упорно уживающийся с Пуришкевичами и пуришкевичщиной российской жизни!»³². В отличие от России, отмечал Ленин, в Западной Европе уже почти нет октябристского капитала, но ее «свободный» капитал приобщался к самым грубым формам эксплуатации в колониях, иначе говоря там выступал как октябристский. «Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и Азию»³³.

Сопоставление указанных суждений В. И. Ленина об «октябристском капитале» и его экономической основе приводит к следующему выводу. В России весь крупный капитал, от торгово-купеческого до «передового» промышленного и финансового был «октябристским», независимо от сферы его деятельности — внутри страны (в коренных районах и ее окраинах) или за рубежом (Иран и др. страны Востока).

7. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ БУРЖУАЗИИ ПОСЛЕ 1905—1907 гг.

Неразрешенность задач буржуазно-демократической революции имела существенное влияние на последующую эволюцию русской буржуазии и на расстановку сил внутри командующих классов.

Царское правительство вынуждено было теперь не только в социально-экономическом, но и в политическом отношении опираться на крупную буржуазию. Во время революции со всей силой выявилось, что «зависимость самодержавия от буржуазии вся Россия — есть самая сильная материальная зависимость»³⁴. Под ударами революции самодержавие вынуждено было перейти к «прямому, организованному в общенациональном масштабе, союзу с известными слоями буржуазии». Самодержавию пришлось для них «создать представительное учреждение., пришлось эквилибрировать между ними и крепостниками, организовывать в Думе союз этих слоев». Более того, самодержавие, опираясь на этот союз, пыталось взять на себя решение и другой объективно необходимой задачи буржуазной революции — «чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне»³⁵.

Так, закрепив свой союз с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии, самодержавие стало «по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России», стремясь при этом «отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы». Однако объективные задачи буржуазно-демократической революции в России оставались нерешенными, и новая аграрная политика самодержавия не могла обеспечить условий капиталистического развития страны³⁶. И аграрная и общая политика самодержавия только обостряла и расширяла противоречия между черносотенным самодержавием и господством дикого помещика, с одной стороны, и потребностями экономического и общественного развития всей страны, с другой³⁷.

Поместное дворянство в основной своей массе после революции сделало архиреакционным, но в то же время стало на почву «признания капитализма как данного». Реакционность черносотенной программы заключалась не в закреплении каких-либо докапиталистических отношений или порядков, а «в развитии капитализма по *юнкерскому*

³² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 49.

³³ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 384—385. Мы не касаемся другой важной стороны развиваемых здесь Лениным положений — об оценке колониальной политики и отношении к ней большевиков.

³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 368.

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 320—321.

³⁶ Там же, стр. 293—294.

³⁷ Там же, стр. 254—255.

типу для усиления власти и доходов помещика, для подведения нового, более прочного, фундамента под здание самодержавия»³⁸. В то же время все больше переплетаются непосредственные экономические интересы крупной буржуазии и помещичьих верхов. Не меняя своей полукрепостнической сущности, многие представители дворянских верхов все больше приобщаются к доходам буржуазии через участие в предприятиях и банках, владение акциями, биржевую игру и т. д. В свою очередь крупная буржуазия путем расширения своего землевладения (приобретение имений и особенно расширение земельных владений акционерных обществ), а также вследствие роста задолженности помещичьего землевладения частным банкам, становится все более заинтересованной в сохранении крупной земельной собственности, в том числе и полукрепостнических владений.

Все это приводит к тому, что октябристы поддерживают проведение столыпинской реформы и открыто высказываются против принудительного отчуждения помещичьих земель. Левое крыло буржуазии — кадеты, выражая свое несогласие с варварскими методами проведения столыпинской реформы и признавая на словах принудительное «в отдельных случаях» отчуждение земель, считают возможным осуществлять его за «справедливое вознаграждение» и под эгидой комиссий, в которых обещивалось бы преобладание помещиков и чиновников, т. е. высказываются за выкуп, подобный реформе 1861 г.³⁹ Таким образом, в пореволюционные годы буржуазия в целом стала, по существу, на путь поддержки буржуазно-юнкерской ликвидации крепостнических пережитков в деревне.

Подводя в канун нового революционного подъема «итоги относительно исторической роли буржуазии в русской буржуазной революции», В. И. Ленин писал: «Опыт пятилетия (1905—1909 годы), наиболее богатого событиями и наиболее открыто развернувшего борьбу масс, борьбу классов в России, доказал фактически, что оба крыла нашей буржуазии, и кадетское и октябристское, оказались на деле нейтральными борьбой революции и контрреволюции, оказались бессильными, беспомощными, жалкими, мечущимися между враждебными лагерями»⁴⁰.

Крупная буржуазия, перешедшая после 17 октября сразу и неприкрыто на контрреволюционные позиции, сделала отсюда своеобразные выводы. Она отказалась в начале 1906 г. от проектов созданий своей самостоятельной политической партии крупной буржуазии (торгово-промышленная партия и др.), и лишь часть ее пошла на организацию совместно с помещиками партии октябристов. Свою возросшую силу и классовую организованность крупный капитал направил по прежнему руслу — на учреждение «представительных» организаций, отстаивающих его узко экономические домогательства и воздействующих в его интересах на экономическую политику правительства. Вместо торгово-промышленной партии была создана в январе 1906 г. наиболее широкая организация крупного капитала — всероссийский «Совет съездов представителей промышленности и торговли»⁴¹.

Вслед за тем стали учреждаться многочисленные новые отраслевые и территориальные «представительные» организации, объединявшие крупную буржуазию. Широкое распространение после революции 1905—1907 гг. получили специальные антирабочие предпринимательские союзы, объединявшие всех фабрикантов и заводчиков крупных промышленных центров. Из них первый, наиболее мощный и активный — Петербургское

³⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 339; см. т. 17, стр. 495; т. 20, стр. 262.

³⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 129, 340, 342—346; т. 15, стр. 281.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 147.

⁴¹ На организационном его съезде бывший председатель бюро по учреждению торгово-промышленной партии Норпе рассказал, что «бюро решило покинуть мысль о политическом союзе и ограничиться исключительно экономической стороной единения» (крупного капитала). Цит. по А. О. Гушк а. Указ. соч., стр. 71—72.

общество заводчиков и фабрикантов — возник еще в 1897 г. При поддержке царского правительства, преследовавшего и всячески ограничивавшего организацию и деятельность профессиональных союзов рабочих, антирабочие союзы предпринимателей повели ожесточенную борьбу против экономических требований рабочего класса, против незначительных экономических уступок, на которые под давлением рабочих готовы были пойти отдельные владельцы (или даже правительство в области «фабричного законодательства»). Антирабочие союзы широко развернули такие способы борьбы против рабочего класса, как массовые локауты, они составляли «черные списки» политически сознательных рабочих и обязывали предпринимателей не держать и не принимать их на работу, применяли методы бойкота тех предпринимателей, которые вынужденно отступали от «линии» союзов и т. д.

В своей борьбе против рабочего класса крупная, теперь уже монополистическая буржуазия оставалась на старых купецких узко корыстных позициях. Она по-прежнему не понимала, что некоторые незначительные уступки рабочему классу соответствуют общеклассовым интересам буржуазии — оказывают поддержку реформистам (ликвидаторам)⁴². В отличие от крупной буржуазии либералы-кадеты оценивали реформизм внутри рабочего движения положительно, т. е. с общеклассовых позиций буржуазии, и строили на этом свои политические расчеты⁴³.

Революция 1905—1907 гг. завершила идейно-политическое оформление буржуазно-либеральной интеллигенции как выразителя идеологии и интересов буржуазии. Свидетельством полного отмежевания от «соседей слева» (начиная с мелкобуржуазной демократии до революционного марксизма) явилась декларация буржуазного либерализма — сборник «Вехи». В нем олевывались материалистические и демократические традиции передовой интеллигенции XIX в., оказавшей тогда влияние и на либералов. Обнажая свой страх перед революцией, пережитой и будущей, буржуазные либералы готовы были «благословить власть», которая одна только способна их «оградить штыками и тюрьмами от ярости народной». Превознося мистику и поповщину, они прославляли «грязное обогащение буржуазии, как божие дело на земле», объявляли его «бессознательным орудием» западной буржуазии с ее «здоровым эгоизмом, самоутверждением»⁴⁴.

Дальнейшее развитие капитализма все больше повышало в составе буржуазной интеллигенции численность той ее части, которая непосредственно находилась на службе у крупной буржуазии. Растущее число инженеров, техников, юристов, экономистов, администраторов и др. пополнялось и небольшой по количеству, но существенной по своему весу прослойкой наиболее доверенных лиц монополистической буржуазии — высших служащих предпринимательских организаций, промышленных и банковских монополий. В целом процесс идейно-политического сближения всей буржуазной интеллигенции с монополистической буржуазией отчетливо наметился после революции 1905—1907 гг. и значительно подвинулся во время мировой войны и особенно от февраля 1917 г. к Октябрю. Но все же этот процесс в России был замедленным и не получил своего завершения.

В. И. Ленин, внимательно следивший за эволюцией буржуазного либерализма с конца XIX в. и партии кадетов с момента ее возникновения, неоднократно характеризовал их до 1907 г. как движение и партию буржуазной интеллигенции. «Кадет,— указывал В. И. Ленин накануне

⁴² Напр., при разработке закона о государственном страховании рабочих крупная буржуазия в первую очередь добивалась (и добилась) его сужения ради уменьшения и без того ничтожных взносов предпринимателей на страхование. См. В. Г. Слонимский а я. Большевицкая страховая кампания 1912—1914 гг., канд. дисс., Л., 1954.

⁴³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 222—225.

⁴⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 106—114; т. 18, стр. 469—470.

выборов во вторую Думу, — типичный буржуазный интеллигент и частью даже либеральный помещик». «Кадеты — партия буржуазных адвокатов, газетчиков, профессоров и тому подобное», которые «защищают интересы либеральных буржуа, либеральных помещиков, купцов и капиталистов». В феврале 1907 г. В. И. Ленин вновь отмечал, что «экономической основой» кадетов является «часть средних помещиков и средней буржуазии, особенно же буржуазная интеллигенция», крупная же торгово-промышленная буржуазия тяготеет к октябризму. Но уже в середине 1907 г. В. И. Ленин отметил зарождение внутри кадетской партии тенденции «переставить центр тяжести либерализма поближе к *мущим классам*»⁴⁵.

Из рыхлой и сырой оппозиции благих пожеланий русский либерализм «превратился в крепкую, парламентски вышколенную партию интеллигентных буржуа», сознательных врагов социалистического пролетариата и революционного крестьянства. Однако политические руководители кадетов во главе с Милюковым все еще рассчитывали найти опору в мелкобуржуазных массах города и деревни. Они поэтому не хотели открыто солидаризироваться с веховцами, которые «портят их (имеется в виду Милюков и К°. — *И. Г.*) дипломатию, мешают им водить за нос отсталые элементы массы»⁴⁶.

В то же время быстро консолидируется вокруг П. Струве и его журнала «Русская мысль» правое крыло кадетской партии, наиболее реакционное и открыто тяготеющее к монополистической буржуазии. На страницах журнала Струве пропагандируются идеи русского капиталистического империализма и национализма, «великодержавности», экспансионистской внешней политики, развивается «новая» «веховская» идеология, проповедуется примирение с «исторической властью». Начинается сближение и прямое общение правокadetской буржуазной профессуры с «либеральничавшими» представителями монополистической буржуазии, «братанье миллионов с наукой» в Москве⁴⁷, а затем их более систематические встречи в особняках московских миллионеров, где в 1910 г. проводились «экономические беседы». Эти встречи начинались с «профессорских» докладов, например Струве о развитии производительных сил России, обсуждение их переплеталось с вопросами политическими — о минимально-необходимом для беспрепятственного развития капитализма буржуазном «правопорядке».

Особенный отклик находит в верхах московской буржуазии пропаганда струвистами великодержавной внешнеимпериалистической политики, в которую активно включаются и сами представители этой буржуазии⁴⁸. Правокadetская интеллигенция стремилась привить всей буржуазной либеральной интеллигенции «новое отношение» к промышленности, т. е. к интересам крупного капитала. Особое внимание на страницах «Русской мысли» уделялось подрастающему поколению, буржуазному студенчеству, которому всячески внушалось, что предпринимательская деятельность и служба в капиталистических предприятиях столь же почтенное занятие для российских интеллигентов, как и излюбленные ими свободные профессии. Буржуазная идеология в России с запозданием проникалась апологией крупного капитала. Появилась и прямая апология финансового капитала.

В 1914 г. вышел первый том Банковской энциклопедии, издание как бы узко специального назначения. Однако к участию в нем, наряду с

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 202, 292; т. 12, стр. 115; см. стр. 455.

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 264, 118—119.

⁴⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 364.

⁴⁸ См. П. Б. Струве. Великая Россия, «Русская мысль», 1908, № 1, а также издание Рябушинских «Великая Россия, сборник статей по военным и общественным вопросам», кн. I и II, М., 1910—1911, и, в частности, предисловия к обоим томам самого редактора-издателя В. П. Рябушинского.

известными тогда финансистами, были привлечены видные кадетские профессора и «деятели». Достаточно указать имена Струве, Туган-Барановского, Винавера, Лазаревского, Железнова, Каминки, Шингарева, Кулишера. В списке авторов фигурируют представители германской науки, которые были, по определению Ленина, сплошь апологетами империализма и финансового капитала: Шульце-Геверниц, Ад. Вебер, Яффе и др. Идеологическое назначение «узко специального» издания с предельной ясностью выражено во вступительной статье редактора, видного тогда профессора-кадета. Начав с того, что банки стоят «во главе современной капиталистической жизни», автор заканчивает статью утверждением, что получение прибыли «отходит на второй план перед общественной функцией капитала» (читай: магнатов финансового капитала). Организация производства становится для капитала «в своем роде самоцелью». В разрешении «мировой экономической организационной задачи — историческое оправдание капитализма и его высшей наиболее ответственной силы — банковского кредита. Массы всегда были и будут бессильны разрешить такого объема задачу. За них и в конце концов для них решение ее суждено взять на себя капиталу»⁴⁹.

Стремление струвистского крыла кадетов стать партией крупной буржуазии было мало результативным. Даже московский крупный капитал в одной своей части по-прежнему тяготел к октябристам, в другой, наиболее близкой идейно к струвистам, предпочел организацию самостоятельной политической партии — «прогрессистов» (см. ниже). Сатрапы же тяжелой промышленности продолжали ориентироваться на октябристов, а еще более предпочитали быть «аполитичными», т. е. уповать непосредственно на царскую бюрократию. Лишь во время первой мировой войны кадеты все отчетливее превращались в партию крупной буржуазии, но окончательно ею стали только после Февральской революции, когда вся буржуазия вместе с помещиками консолидировалась вокруг кадетов как самой «левой» партии контрреволюции.

При всех своих потугах струвисты так и не стали властителями дум всей буржуазно-либеральной интеллигенции, не говоря уже о более широких слоях мелкобуржуазной демократической интеллигенции. Последние испытывали на себе известное давление идеологии крупной буржуазии, но все же в основном оставались под влиянием эгигонов народничества⁵⁰. В отличие от Запада в России прямая социально-экономическая апология финансового капитала и империализма оставалась скорее исключительным фактом. После Октябрьской революции, в январе 1918 г. один из струвистов сетовал, что вопросы колониальной политики мало интересовали «русскую общественность», что империализм «казался идеологам русской интеллигенции антидемократичным». Не допуская исторического конца русского капитализма, струвист призывал «общественность» преодолеть «предрассудки и отвращение к империализму» и выдвинуть, наконец, «своих Родсов и Киплингов»⁵¹.

Русская буржуазная интеллигенция в целом не успела преодолеть и другого своего «предубеждения» и «дорости» до столь распространенного в широких интеллигентских кругах Запада преклонения перед денежным мешком. Один из представителей верхних культурных слоев

⁴⁹ Банковская энциклопедия, т. I, Киев, 1914, стр. 1, 15—16. (Подчеркнуто нами.— И. Г.).

⁵⁰ Неустанным и целеустремленным разоблачением В. И. Лениным и большевиками контрреволюционной сущности буржуазного либерализма и кадетской партии служило не только разоблачению реформизма, но и препятствовало распространению идейного влияния либералов на мелкобуржуазную демократическую интеллигенцию.

⁵¹ «Экономические интересы России на Востоке», вып. 1, М., 1918, доклад Д. А. Лутохина, стр. 3—4, изд. Центрального народнопромышленного комитета (так были переименованы после Октября военно-промышленные комитеты, где еще подвизались их прежние деятели).

московского капитала П. А. Бурыйшкнн, прожнв полжнзн в эмнграцнн и получнв хорощее представленне о том «культе богатых людей», которнй «наблюдается в западных странах», должен был констатнровать, что «в Росснн его не было». Не только в революцнонной среде, пишет он, но н в городской ннтеллнгенцнн к богатым людям было не то что нпрнязненное, но малодоброжелательное отношение. Купечество было непопулярно, отношение к нему было мало дружелюбным, насмешлнвым, немного высокомерным, прнчем не только со стороны дворянства н чнновннчества, но н «правой н левой ннтеллнгенцнн»⁵².

Все это свидетельствует о незавершенности формнрования буржуазной ннтеллнгенцнн в Росснн, о том, что буржуазная идеология не успела достнгнуть в Росснн того преобладаннн, которое она получила на Западе еще в середине ХIХ в. Вместе с тем крупная буржуазнн не получила в Росснн обществонного признаннн своей ведущей роли в капиталнстнческом обществе, которого она добилась на Западе задолго до пернода империалнзма. И это являлось показателем узости социальной опоры крупной буржуазнн Росснн.

Так, даже слой городской буржуазной ннтеллнгенцнн, безоговорочно поддерижающнй идеологнчески крупную буржуазнну н связывающнй с ней свои непосредственные ннтересы, оставался в Росснн узким. Вследствие союза с крепостннками-помещнками крупная буржуазнн не могла получить сколько-нбудь значнтельной социальной опоры в деревне. Путь для какого-лнбо ндейного влнннн буржуазнн на пролетарннат через реформнзм, нстинное значение которого хорощо уясннлн себе кадеты, был прегражден большевнстской партией. Страх перед революцней вынуждал монополнстнческую буржуазнну по-прежнему лепнться к своей вековой опоре — царнзму. В этих условиях рост ее экономнческой силы н классового сознаннн выливался в декларатнвные выпады Рябушннских протнв «прнказных н опрнчннков», протнв «выроднвшегося дворянства», в претензнн стать «первенствующнм русским сословнем», в откровенные заявленнн, что «буржуа н дворяннну нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа, н одному нз нх прнходнтся уходнть»⁵³. Но все эти декларации н заявленнн оставались полнтически беспомощной н беспредметной фрндой.

8. ЦАРИЗМ И КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ. ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ ЭКСПЛУАТАТОРСКИМИ КЛАССАМИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

В послереволюцнонные годы происходнлн значнтельные нмененнн в отношениях крупной буржуазнн н царнзма, а также обоих командующнх классов. В конечном счете эти нмененнн определялись развитнем монополнстнческого капиталнзма, значнтельным уснлением крупной, теперь монополнстнческой буржуазнн, возрастающей материальной от нее зависимостью царнзма. Союз крепостннков-помещнков с крупным капиталом перерастал в союз с магнатами финансового капитала⁵⁴.

Царское правнтельство вынуждено было еще больше опнраться на крупную буржуазнну, полнее учнтывать ее экономнческие пожеланнн н требованнн. Правнтельство систематнчески прнвлекало представнтелей монополнстнческой буржуазнн в рабочие органы министрств, подготавлнвавшие н разрабатывавшие меры экономнческой полнтнки, н гораздо шнре черпало необходимую для этого ннформацию от ее «представнтельных» органнзаций. Все это намного уснливало воздействие крупной буржуазнн на экономнческую полнтику правнтельства. Высшая царская бюрократнн стала еще более «благосклонной н угодливой» к крупной буржуазнн.

⁵² П. А. Бурыйшкнн. Москва купеческая, Нью-Йорк, 1954.

⁵³ См. П. А. Берлнн. Русская буржуазнн в старое н новое время. М., 1922, стр. 293—295.

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 111.

Сложившаяся еще в домонополистический период личная близость ведущих чиновников с крупной буржуазией, их материальная заинтересованность «в делах» капиталистов переросла в особо тесные отношения с заправилами промышленных и банковских монополий. Еще чаще переходили к ним на руководящую работу бывшие крупные чиновники, а теперь и отставные генералы и адмиралы и даже министры. В «устройстве» А. И. Путилова, одного из заместителей В. Н. Коковцова, на пост председателя правления Русско-Азиатского банка деятельно помогал директор кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдов. Заодно пристроен был членом правления его брат В. Ф. Давыдов. Сам Л. Ф. Давыдов, «опекавший» все русские банки и особенно Русско-Азиатский, через 4 года стал председателем правления другого крупнейшего банка — Русского для внешней торговли. Дослужившийся в госаппарате до товарища министра финансов В. И. Тимирязев побыл год министром торговли и промышленности, затем перешел в крупные предприятия, через два года опять ненадолго стал министром торговли, после чего окончательно осел в сфере тяжелой промышленности и банков. П. Л. Барк, напротив, только на 4 года покинул госаппарат для руководства Волжско-Камским банком, а затем вернулся с повышением, сперва на пост товарища министра торговли, а затем стал последним царским министром финансов. В 1917 г. нашли себе приют в банках и Коковцов и последний царский министр иностранных дел М. Н. Покровский.

Описанная выше материально-экономическая заинтересованность крупной буржуазии в существовании царизма не только усилилась, но и приобрела новое существенное направление. Народившийся российский капиталистический империализм, недостаточно сильный, чтобы экономическими средствами (конкуренцией на внешних рынках, экспортом капиталов и т. п.) осуществлять свои экспансионистские устремления, находил необходимую опору в старом военно-феодальном империализме. В России «монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр.» отчасти восполняла, отчасти заменяла монополию современного новейшего финансового капитала⁵⁵. Царизм оставался ведущей силой в империалистической внешней политике России. Он придавал особую реакционность ее направлению («против ведущих революционную борьбу за свободу народов Азии»), соединял ее с грубо «националистической» политикой, направленной против окраин и т. д., что находило поддержку в «аппетитах» и шовинизме российской буржуазии⁵⁶. Но в то же время царизм был вынужден и в области внешней политики опираться на буржуазно-помещичью Думу (формально по третьей юнкерской «конституции» эта политика определялась царем без участия Думы), опираться и на монополистическую буржуазию и все больше считаться с ее интересами⁵⁷.

Делая после революции новый шаг по пути превращения страны в буржуазную монархию, царизм сохранял свою крепостническую природу, и это влияло на политические противоречия в стране. Еще глубже, как указывал В. И. Ленин, становилось противоречие между повысившейся экономической силой крупной буржуазии, ростом ее организованности, классового сознания — и сохранением почти всей политической власти в руках абсолютизма и помещиков.

Все эти противоречия резко усилились в условиях нового революционного подъема.

Параллельно с растущей экономической ролью буржуазии шло падение хозяйственно-экономического значения дворянства. И все же оно оставалось политически первенствующим сословием, стоявшим, совмест-

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 104.

⁵⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 418; там же, т. 16, стр. 154; т. 19, стр. 20.

⁵⁷ См. подробнее И. В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910, М., 1961, стр. 60—66.

но с социально-родственной ему царской бюрократией, выше буржуазии и над ней в общественно-политическом отношении. Царская бюрократия все больше проникалась интересами монополистической буржуазии, но последняя по-прежнему вынуждена была преодолевать в своей хозяйственной деятельности бюрократические препоны. В стране царил произвол, и даже крупная буржуазия должна была подчас испытывать ущемление ее прав и третирование местными властями⁵⁸. Классовый характер царской монархии и после революции не устранял «громадной независимости и самостоятельности царской власти и „бюрократии“, от Николая II до любого урядника»⁵⁹.

Противоречия между монополистической буржуазией и помещиками прежде всего проявлялись в Государственной думе. Преобладание в ней помещиков при слабом представительстве в ее буржуазной части прямых выразителей интересов монополистической буржуазии определяло недоброжелательное отношение Думы к монополистическому капиталу и его «нуждам». В отстаивании своих интересов монополистический капитал поэтому ориентировался прямо на правительство.

В целом правительство до 1914 г. более или менее последовательно поддерживало монополии и видело в них естественный результат экономического развития и средство укрепления промышленности и повышения экономической мощи страны. Такова, в частности, была позиция руководителя всей правительственной политики и министра финансов В. Н. Коковцова⁶⁰. Осознавшая свою силу и значение монополистическая буржуазия продолжала, однако, в чисто экономической области испытывать зависимость от бюрократии, ревниво не допуская буржуазию к ключевым органам экономической политики. Все блага ее (в особенности казенные заказы, льготные кредиты, субсидии) монополистический капитал по-прежнему должен был получать, и притом нередко с затруднениями, из рук бюрократии.

В предвоенные годы внутри правительства отчетливо проявились и антимонополистические тенденции, которые отражали обострившиеся противоречия между помещиками и монополистической буржуазией, отчасти противоречия между ней и немонополистическими группами буржуазии. Внутри правительства нарастало известное противодействие монополиям с позиции несоответствия их устремлений задачам экономической политики правительства. Оно издавна охотно и легко шло на обогащение крупной буржуазии, когда это, по мнению правительства, соответствовало общей линии его экономической политики. В предвоенные годы правительство столкнулось с другим явлением. Монополии стали вынуждать его к переплатам по поставкам казне, вносить изменения в сложившуюся практику договорных отношений и в тех случаях, когда это не совпадало с целями политики правительства и диктуемыми им формами отношений. Правительство стремилось бороться с подобными явлениями в чисто хозяйственном плане — защиты интересов государственно-капиталистического хозяйства. В качестве крупнейшего в стране потребителя продукции некоторых монополизированных отраслей правительство начало противопоставлять частным монополиям силу государственной монополии. Затем эта линия стала перерастать в вопрос о политическом престиже бюрократии. Так офор-

⁵⁸ В 1912 г. нижегородский губернатор, впоследствии министр внутренних дел А. Н. Хвостов, не поладив с Ярмарочным комитетом и его председателем А. С. Салазкиным, вынес без всяких к тому юридических оснований решение о предании суду всего состава Комитета («Столетие Нижегородской Ярмарки, 1817—1917», Н.-Новгород, 1917, стр. 280—285). О третировании представителей провинциальной буржуазии местными Пришибеевыми см. П. А. Берлин. Указ. соч., стр. 303—305.

⁵⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 322.

⁶⁰ См., напр., его выступление в Государственной думе 10 мая 1913 г. («Стенографические отчеты Государственной думы четвертого созыва, первая сессия, часть вторая», СПб., 1913, стр. 942—943).

милась внутри правительства другая тенденция, представленная прежде всего министром путей сообщения С. В. Рухловым. Эта тенденция, получившая явно помещицье и антимонополистическое звучание, возобладала после смены Коковцова Горемыкиным в начале 1914 г.

Наличие двух линий по отношению к монополиям являлось бесспорным симптомом нарастания противоречий между обоими эксплуататорскими классами. Во второй половине XIX в. и вплоть до революции 1905—1907 гг. усиленная поддержка отдельных отраслей или групп крупного капитала не вызывала разногласий внутри правительства, несмотря на то, что и тогда такие «пробуржуазные» меры экономической политики вызывали недовольство помещиков.

В предвоенные годы у монополистической буржуазии росло недовольство правительственной политикой, прежде всего экономической, ее негибкостью, неповоротливостью, обращающимися против буржуазии.

Крупный капитал уже не мог и не желал мириться с сохранившимся почти в неприкосновенности, лишь немного подновленным, дореформенным торгово-промышленным законодательством, которое «стесняло свободу приложения капитала». Даже монополии тяжелой промышленности в лице «Совета съездов», уклонявшиеся от постановки общих вопросов внутренней политики, вынуждены были, разумеется, в защиту той же «свободы приложения капитала» нарушить свой «аполитизм». В своих записках правительству перед войной «Совет съездов» писал: «Широкое развитие частной предприимчивости встречает подчас непреодолимые препятствия в правовых условиях нашей жизни вообще и в многообразных национальных и вероисповедных ограничениях в частности»⁶¹.

Верхи московской буржуазии пошли дальше, до выражения открытого недовольства всей внутренней политикой царизма. В 1911 г. они опубликовали протест 66 против учиненного правительством массового увольнения либеральной профессуры из Московского университета. Верные своей природе московские капиталисты протестовали с позиций «представляемых ими интересов развития производительных сил страны», суживая политическое звучание своего выступления. Но даже скромный политический жест вызвал на них нападки других видных представителей той же московской буржуазии в лице Крестовникова.

В 1912 г. по инициативе и при лидерстве тех же верхов московской буржуазии была организована национал-либеральная и откровенно веховская партия «прогрессистов». Организация ее свидетельствовала о так и не завершившемся в России процессе образования классовой партии крупного капитала, интересы которого новая партия выражала более отчетливо и прямолинейно, чем октябристы и кадеты. Национал-либералы на почве шовинистической и великодержавной внешней политики более откровенно, чем кадеты, поддерживали царизм. Они выражали вожделения крупной буржуазии стать «первенствующим сословием» и в то же время ее готовность удовольствоваться уравнием с дворянством в политическом отношении и на такой почве мириться с царизмом⁶².

Несмотря на стремление национал-либералов к компромиссу, росло их открытое недовольство всей внутренней и экономической политикой царизма, ее несоответствием требованиям капиталистического развития и возраставшей в условиях революционного подъема реакционностью внутренней политики. Это недовольство, охватившее весь либеральный лагерь и распространившееся даже на октябристов, отражало отнюдь не одно лишь ущемление непосредственных интересов буржуазии. Еще

⁶¹ «Докладная записка “Совета съездов представителей промышленности и торговли” о мерах к развитию производительных сил России и к улучшению торгового баланса», СПб., 1914, стр. 67. (Подчеркнуто нами.— И. Г.)

⁶² См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 411—413, 468—470.

большее значение имел ее страх перед революцией, тревога, что «недалновидная» политика правительства подрывает позиции реформизма в рабочем классе, усиливает его революционность⁶³.

Буржуазия начинала осознавать крах всех ее расчетов на царизм и помещиков, крах всего, ради чего она приспособлялась к ним и лакействовала. «Буржуазия *сама* признает, от кадетов до октябристов, что самодержавие и помещики *не смогли* обеспечить „мирного развития“, не смогли обеспечить элементарных условий „порядка“ и „законности“, без которых не может жить в XX веке капиталистическая страна»⁶⁴.

В обстановке приближавшейся решительной схватки революции с царизмом выявилась крайняя слабость и беспомощность буржуазного либерализма во всех его оттенках. В качестве «крайнего способа» воздействия на правительство буржуазные либералы могли лишь пугать его ростом «антиправительственных настроений» и не оказывали реального влияния на изменение его политики⁶⁵. В конечном итоге реакционный политический курс правительства все более усиливался, и в такой обстановке Россия вступила в первую мировую войну.

9. ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ИТОГИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ БУРЖУАЗИИ

Начало первой мировой войны было использовано царским правительством для разгрома революционного рабочего движения и ознаменовано «национальным единением» с царизмом всего буржуазного лагеря, охваченного шовинистическим угаром. Усиливая в создавшихся условиях реакционный политический курс, царизм рассчитывал без непосредственного участия буржуазии обеспечить победу в войне, чтобы еще больше укрепить свои позиции.

Правительство недооценивало в начальный период войны ее масштабы и не понимало стоявших перед ним задач организации военного хозяйства. Лишь тяжелые поражения на фронтах натолкнули его на необходимость военного регулирования хозяйства. И тогда полностью обнаружилась сложившаяся зависимость правительства от монополистической буржуазии, прямая необходимость опираться на нее в организации военной экономики. Огромное обогащение монополий в хозяйственной обстановке войны, развитие государственно-монополистических органов, растущая роль в них буржуазии — все это способствовало росту экономической силы и значения крупной буржуазии, ее политической организованности. При ее преобладающем влиянии были созданы общероссийские организации (союз городов, земский союз, военно-промышленные комитеты), объединившие буржуазно-помещичьи «общественные силы» в помощь ведению войны. Буржуазия спланировалась политически и в Думе, в виде «прогрессивного блока», охватившего кадетов, прогрессистов, октябристов и даже наиболее умеренных правых так называемых националистов.

Несостоятельность царизма в чисто военном отношении, его неспособность руководить военной экономикой вызвали надежды у буржуазии прийти мирным путем к власти или по крайней мере к значительному в ней участию. Буржуазия, которая давно правила страной экономически и за годы войны особенно быстро продвинулась в своей политической организованности, была «почти совсем» уже у власти к 1917 г.⁶⁶ Но царское правительство не желало идти ни на какие политические уступки буржуазии и, в частности, ревниво держало в руках

⁶³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 222—224; т. 20, стр. 118—119.

⁶⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 195.

⁶⁵ См. там же, стр. 292; т. 20, стр. 270.

⁶⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 297.

командные позиции в центральных органах военно-экономического регулирования (Особых совещаниях). Рост революционной ситуации в стране и дальнейшие военные неудачи при невозможности для буржуазии договориться с царизмом породили кризис в верхах. В страхе перед революцией и в стремлении предотвратить ее буржуазия возлагала надежды на дворцовый переворот. Однако крупная буржуазия сумела дорваться до власти лишь после того как царизм рухнул под натиском революционного рабочего класса.

Март — октябрь 1917 г. был кратким, но полным исторического смысла завершающим этапом существования крупной российской буржуазии. Пребывание ее у власти в течение немногих месяцев ярко выявило итоги ее исторического развития, являвшиеся в конечном счете результатом векового приспособления к реакционному политическому строю российского самодержавия. Крупная буржуазия не имела скольконибудь значительной социальной опоры в стране, неспособна была поступаться узко корыстными интересами ради более широко понятых общеклассовых интересов. Она была недостаточно развитой политически, а ее государственный опыт незначительным.

Крупная буржуазия оказалась достаточно организованной, чтобы захватить власть и удерживать ее в своих руках, опираясь и ставя себе на службу меньшевиков и эсеров, пока последние сохраняли влияние в мелкобуржуазных массах⁶⁷. Потеряв, однако, свою вековую опору — царизм с его огромным разветвленным аппаратом подавления трудящихся, буржуазия оказалась у власти в обстановке величайшего революционного подъема масс, одна лицом к лицу с российским рабочим классом, создавшим под руководством В. И. Ленина раньше всех других классов свою партию. Неустанное многолетнее разоблачение большевиками меньшевиков и эсеров как агентуру буржуазии привело к тому, что худосочный российский реформизм мог быть лишь крайне недолгой и непрочной опорой для буржуазии. Все же ее попытки укрепить свою власть и осуществить свои классовые цели в условиях растущей революции и складывавшейся расстановки классовых сил в конечном счете обращались против самой буржуазии.

Сплачиваясь с помещиками и старой царской военщиной, буржуазия неизбежно становилась на защиту интересов помещичьего землевладения и против широких крестьянских масс, разоблачала себя как их прямого врага. Используя свой приход к власти для еще большего обогащения, и притом самыми спекулятивными методами, буржуазия усиливала хозяйственную разруху, ухудшала и без того тяжелое положение рабочего класса и яростно сопротивлялась всем его экономическим требованиям⁶⁸. Буржуазия не желала отказываться от своих внешнеполитических империалистических целей⁶⁹, а теперь еще связывала с затягиванием войны «до победного конца» расчеты на укрепление своей власти и подавление революции. Тем самым продолжение войны, ставшей ненавистной широким массам трудящихся, все больше ассоциировалось в их представлении с властью буржуазии.

Готовясь в тайном сговоре с царскими генералами к подавлению революции, буржуазия своей политикой все больше обнажала свои цели, а вместе с тем все более разоблачала себя перед массами реформисты, поддерживавшие буржуазию.

Все это помогало большевикам поднимать сознание масс, их понимание империалистической и контрреволюционной сущности буржуазии и антинародной поддержки ее реформистами.

⁶⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 400; т. 28, стр. 366.

⁶⁸ Экономическая политика буржуазии в марте — октябре 1917 г. подробно исследована в недавно изданной монографии П. В. Волобуева «Экономическая политика Временного правительства», М., 1962.

⁶⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 325, 328; т. 24, стр. 133, 161.

Российская монополистическая буржуазия была тесно связана с империалистами «союзных» стран⁷⁰. Потеряв же свою опору в царизме, она оказалась в сильной от них зависимости⁷¹. Последняя в ходе революции еще возрастала, так как буржуазия в поисках недостающей опоры пыталась ее найти в поддержке «союзных» империалистов. Она становилась в такую от них зависимость, какой не испытывал царизм даже после поражений и выявившейся невозможности обходиться без материальной помощи «союзников» вооружением и техникой.

В обстановке все более высокого подъема революции буржуазия стала для ее удушения на путь сознательного хозяйственного развала страны⁷², а затем и национального предательства⁷³. Относительная слабость российской буржуазии, развившейся в условиях приспособления к царизму, ее политически недостаточная развитость и дряблость наглядно проявились в ее неспособности справиться с огромными задачами, связанными с войной и ее ликвидацией. Все это облегчило приход к власти руководимого большевиками российского рабочего класса⁷⁴.

Однако этим отнюдь не исчерпывается итоговая ленинская оценка исторического существования русской буржуазии. И в дооктябрьские месяцы и после победы социалистической революции В. И. Ленин подчеркивал большую организованность, как уже указывалось выше, крупной буржуазии⁷⁵. Забвение таких ленинских оценок ведет к тому, что слабости русской буржуазии абсолютизируются, возводятся в некие присущие ей свойства, как бы предопределявшие ее историческое банкротство. Следует учитывать, что русская буржуазия потеряла власть в исторических условиях, в которых не удержалась бы и буржуазия с несравнимо ббльшим государственным и политическим опытом. Глубина революционного кризиса и стремительность его развития, организованность пролетарского авангарда и широкая поддержка его массами трудящихся, ясность цели и стратегии ленинского руководства — таковы условия исторического краха буржуазии и победы пролетариата.

И действительно В. И. Ленин считал, что слабость русской буржуазии имела относительный и исторически обусловленный характер. Это с очевидностью явствует из выступления В. И. Ленина на III конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 г.: «Русская буржуазия за последние годы потерпела страшное поражение... Разбитая реакционная армия многому научилась, прекрасно научилась., и она действительно добилась больших успехов. В то время, когда мы одним натиском взяли власть, русская буржуазия была неорганизована, политически не развита. Теперь, я думаю, она стоит на высоте современного западноевропейского развития»⁷⁶. Следовательно русская буржуазия в смысле своей политической организации смогла «дорастить» до западноевропейского уровня лишь после того, когда она внутри страны была окончательно ликвидирована как класс и выброшена за ее пределы — в эмиграцию.

В свете относительной и преходящей слабости русской буржуазии более глубокое звучание получает и «взятие власти одним натиском». Оно ярко подчеркивает ленинский революционный гевий в выборе наиболее благоприятного момента для захвата власти пролетариатом.

⁷⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 161, 243; т. 25, стр. 98.

⁷¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 326, 346—347; т. 24, стр. 44.

⁷² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 299—312; 323—327.

⁷³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 120—121.

⁷⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 141, 341, 504; т. 20, стр. 262.

⁷⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 297; т. 28, стр. 366; т. 30, стр. 400.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 460, см. также стр. 458—459 (Подчеркнуто нами — И. Г.).